

Пролог

Англия, 1802 год

Прибывшие на свадьбу гости непременно должны перебить друг друга. Для Оливера Лоуренса это само собой разумелось, вопрос был только во времени.

Безусловно, барон Оливер Лоуренс предпринял все меры предосторожности, ведь именно его замок был избран королем Георгом для совершения брачной церемонии. До прибытия его величества барон исполнял обязанности хозяина дома. И делал он это с тем же удовольствием, с каким подвергся бы трехдневной порке. Но приказ исходил от короля, и Лоуренс, человек преданный и законопослушный, беспрекословно повиновался. Оба семейства, Уинчестеры и бунтовщики Сент-Джеймсы, горячо протестовали против его назначения. Но поднятый ими шум не имел серьезных последствий, поскольку король решил поступить по-своему. Барон Лоуренс хорошо понимал, что стояло за этим повелением короля. К несчастью, он был единственным человеком в Англии, который поддерживал отношения как с семейством невесты, так и с семейством жениха.

Именно данное обстоятельство, как и вся ситуация, барону и не льстило. Он полагал, что все эти тревожные события способны только сократить срок его и так не слишком длинной жизни. Поскольку церемония должна была происходить на нейтральной почве, король

свято верил, что собравшиеся будут вести себя пристойно. Но Лоуренс не льстил себя надеждами на сей счет.

Окружавшие его люди были настроены крайне агрессивно. Одно неверно сказанное слово, один неверно воспринятый взгляд или жест могли стать той искрой, от которой вспыхнет пожар. Только Богу было известно, как чесались у всех этих людей руки, как они жаждали крови, потоков крови. Это было написано на лицах всех присутствующих.

Между расположившимися в зале двумя враждующими семействами на стуле с высокой спинкой восседал епископ в белых церемониальных одеждах. Взгляд его был устремлен прямо перед собой, он старался не смотреть налево, где сгрудились Уинчестеры, в то же время он старался не замечать и разместившихся справа людей Сент-Джеймса. Чтобы как-то занять время, священник барабанил кончиками пальцев по деревянной ручке кресла. У него был вид человека, страдающего от надвигающегося приступа тошноты. Время от времени он вздыхал, издавая при этом тонкий, жалобный звук, напоминавший барону всхрапывание старой больной кобылы. Только эти звуки и нарушали гнетущую тишину, царившую в огромном зале.

Лоуренс в отчаянии покачал головой. Он знал, что епископ не в состоянии прекратить кровопролитие, если оно назреет. Жених и невеста ожидали в отдельных комнатах наверху. Только после того как приедет король, их приведут или приволокут силой. Господи, помоги этим двоим, так как ад готов разверзнуться у них под ногами.

Этот день и в самом деле был днем гнева. По периметру зала между воинами короля Лоуренсу пришлось дополнительно выставить людей из собственной стражи. Это было неслыханно для брачной церемонии, как неслыханно было и то, что прибывшие гости были одеты и вооружены как для сражения. Уинчестеры были так тяжело экипированы, что едва могли двигаться.

4 Их высокомерие было оскорбительным, а лояль-

ность — более чем сомнительной. И все же Лоуренсу было трудно осуждать этих людей. Конечно, он расценивал их поведение не только как вызов королю, но и как осуждение своего беспрекословного подчинения монарху. Но что греха таить, король был глуп, как утка.

Вся Англия знала, что он свихнулся, но никто не отваживался произнести это вслух. Смелчак, посмеявшийся сказать правду, тут же лишился бы языка, и это было бы еще самым милосердным наказанием. Свадьба, которая вот-вот должна была состояться, была достаточным свидетельством для самого ярого приверженца короля, что их господин действительно тронулся умом. Король как-то говорил Лоуренсу, что хочет всех примирить в королевстве. У барона тогда даже не возникло желания возразить против этой детской наивной мечты.

Но, несмотря на свое реальное или мнимое безумие, Георг оставался их королем, и гости, будь они прокляты, обязаны оказать ему должное почтение. Нельзя терпеть их вызывающее поведение. Вот двое из самых опытных бойцов семейства Уинчестеров, дядья невесты, недвусмысленно поглаживают эфесы своих шпаг. Воины Сент-Джеймса, заметив это, немедленно отплатили тем же, сделав дружный шаг вперед. Но они не притронулись к своему оружию, хотя, по правде говоря, большинство из них и не были тяжело вооружены. На лицах Сент-Джеймсов промелькнули презрительные улыбки. Лоуренс подумал, что ухмылки их весьма красноречивы.

По численности Уинчестеры в шесть раз превосходили клан Сент-Джеймсов. Но это не давало им никаких преимуществ. Сент-Джеймсы были более жестокими. Об их преступлениях ходили страшные легенды. Поговаривали, что они были способны вырвать человеку глаза за один недружелюбный взгляд; они били человека в самые уязвимые места только для того, чтобы услышать, как он завоет от боли; и только Бог знает, как они расправлялись со своими врагами. Душеразди-

рающих способов было слишком много, чтобы пытаться их представить.

Внимание Лоуренса привлекло волнение, возникшее во внутреннем дворе замка. По ступеням вверх бежал личный помощник короля, человек с мрачным выражением лица, по имени сэра Роланд Хьюго. На нем был праздничный наряд, но его яркие красные чулки и белая туника делали его грузную фигуру похожей на тумбу. Лоуренс подумал, что Хьюго чем-то напоминал ему надутого петуха. Но поскольку тот был лучшим другом барона, Лоуренс устыдился своих недобрых мыслей.

Друзья крепко обнялись. Потом Хьюго отступил на шаг и приглушенным голосом сказал:

— Я скакал впереди последнего королевского отряда, король будет здесь с минуты на минуту.

— Господи, благодарю тебя за это, — с явным облегчением сказал Лоуренс и промокнул льняным платком бисеринки пота со лба.

Хьюго бросил взгляд через плечо Лоуренса и покачал головой.

— У тебя в зале веселье, как на кладбище, — прошептал он. — Ты что, не нашел времени развеселить гостей?

Лоуренс смерил его скептическим взглядом:

— Развеселить? Боюсь, Хьюго, что только человеческое жертвоприношение могло бы их слегка взбодрить. Это же варвары.

— Теперь я понимаю, что только чувство юмора могло тебе дожить до нашего прибытия, — ответил его друг.

— Я не шучу, — взмолился барон. — Ты тоже перестанешь улыбаться, Хьюго, когда увидишь всю неустойчивость этой ситуации. Уинчестеры пришли сюда, друг мой, не с подарками. Они вооружены с ног до головы, как для сражения. Да, да, это правда, — поспешно добавил

он, заметив, что его друг недоверчиво покачал головой. — Я попытался убедить их оставить

оружие у входа, но они не захотели и слышать об этом. Они не слишком сговорчивы.

— Это мы еще посмотрим, — проговорил Хьюго. — Очень скоро воины конного сопровождения короля обезоружат их. Будь я проклят, если позволю нашему повелителю появиться в столь небезопасном месте. Это свадьба, а не поле брани.

Хьюго оказался верен своей угрозе. Уинчестеры, как только услышали приказ разъяренного королевского советника, тотчас сложили оружие в углу огромного зала. Для убедительности требование было подкреплено несколькими десятками верных солдат, окруживших гостей кольцом. Разбойники Сент-Джеймса также вынужденны были сдать оружие.

Лоуренс решил, что, если когда-нибудь ему доведется рассказывать об этом, мало кто ему поверит. К счастью, король Георг так и не узнал, какие крайние меры были приняты для обеспечения его безопасности.

Как только король Англии вошел в огромный зал, епископ поднялся с кресла, преклонил голову перед ним и жестом пригласил его сесть.

За королем, нагруженные документами, проследовали два королевских барристера. Лоуренс подождал, пока его господин усядется, потом поспешно подошел к нему и преклонил колени. Громким отчетливым голосом он произнес торжественный обет верности, рассчитывая, что его слова заставят гостей проявить должное почтение к королю.

Король положил свои большие руки на колени и наклонился вперед.

— Твой патрон доволен тобой, барон Лоуренс. Я — ваш король и отец, защитник всех подданных, не так ли?

Лоуренс был готов к этому вопросу. Король взял привычку именовать себя так несколько лет назад, и при каждом удобном случае он искал в своих поступках подтверждения отцовского отношения ко всем людям, к любому человеку, живущему в стране.

— Да, милорд, вы — король-отец, защитник всех людей.

— Вот молодец, — прошептал король, протянул руку и погладил Лоуренса по лысеющей голове.

Барон смутился и покраснел. Король обращался с ним, как с юным оруженосцем. Но что было еще неприятнее, он вынуждал себя таковым чувствовать.

— Теперь встань, барон Лоуренс, и помоги мне ничего не упустить из этого важного события, — приказал король.

Лоуренс немедленно все исполнил. Когда же он взглянул на своего повелителя поближе, то только большим усилием воли сумел подавить подступившее к сердцу чувство сострадания. Он был ошеломлен теми удручающими внешними переменами, которые произошли в короле. В молодости Георг был очень привлекательным мужчиной. Годы не пощадили его. Щеки и подбородок короля стали одутловатыми, углубились морщины, под глазами набрякли мешки усталости. На нем был простой парик с вьющимися локонами, но его цвет еще более подчеркивал нездоровый и утомленный вид короля.

Король улыбнулся своему вассалу с выражением простодушного ожидания. Лоуренс засиял в ответ. На лице его повелителя было написано столько доброты и искренности, что барон почувствовал себя глубоко несчастным. В течение многих лет, до того как болезнь затуманила его разум, Георг действительно был более чем король. Его отношение к своим подданным было на самом деле отношением мудрого отца к своим детям. Этот человек заслуживал лучшей участи.

Барон подошел к королю, встал рядом с ним, потом обернулся к группе людей, которые казались ему особенно опасными, и дрожащим от ярости голосом крикнул:

— На колени!

Все преклонили колени.

Хьюго с неподдельным изумлением вглядывался в лицо Лоуренса. Он действительно не представ-

лял себе, что его друг мог быть столь грозным. Да и сам Лоуренс до сегодняшнего дня не мыслил себя в такой роли.

Королю понравилось это единодушное проявление верноподданнических чувств. А большего ему и не нужно было.

— Барон! — Он бросил взгляд в сторону Лоуренса. — Немедленно пойд и приведи жениха и невесту. Становится поздно, а впереди еще много дел.

Когда Лоуренс, получив приказ и поклонившись королю, направился к двери, тот, повернувшись в кресле, взглянул на Хьюго сверху вниз:

— Так где же дамы? Осмелюсь заметить, я почему-то не вижу ни одной. Отчего это так? Я спрашиваю, сэр Хьюго.

Хьюго очень не хотел говорить королю правду, состоящую в том, что присутствующие здесь мужчины явились не на свадебный пир, а на оргию кровавой мести. И женщинам не было здесь места. Но такую правду нельзя было открывать королю.

— Да, мой король-отец, — выпалил Хьюго. — Я так же, как и вы, заметил отсутствие дам.

— Но почему это так? — продолжал настаивать на более конкретном ответе король.

Из головы Хьюго улетучились все мало-мальски правдоподобные объяснения, уступив место полной сумятице. В отчаянии он обратился к приятелю:

— Почему это так, Лоуренс?

Барон был уже у выхода. В голосе друга он уловил панические нотки и тотчас повернул назад.

— Поездка сюда была бы слишком утомительной для таких... таких нежных леди, — выпалил он первое, что пришло ему в голову.

Большого труда стоило ему произнести эту фразу до конца. Это была откровенная ложь: любой, кто имел хоть малейшее представление о «нежных леди» семейств Уинчестер и Сент-Джеймс, знал, что

нежности в них было ничуть не больше, чем в диких кошках. Но провести короля ничего не стоило, быстрый кивок его головы свидетельствовал, что объяснение вполне удовлетворило монарха.

Барон немного помедлил, чтобы еще раз взглянуть на Уинчестеров. Ведь это их поведение в первую очередь стало причиной его невольной лжи. Затем он наконец отправился выполнять поручение.

Первому предстать перед собранием надлежало жениху. Как только высокий, долговязый маркиз Сент-Джеймс вошел в зал, присутствующие расступились перед ним, образуя широкий коридор.

Вошедший в зал жених больше всего напоминал могучего воина, внимательно всматривающегося в строй своих подчиненных. Будь он более невзрачным, Лоуренс легко мог бы представить его таким молодым заносчивым Чингисханом. Но назвать маркиза невзрачным никак было нельзя. Природа одарила его темными, с каштановым отливом волосами и ясными зелеными глазами. У него было худощавое, с тонкими чертами лицо и уже сломанный в поединке, который он, несомненно, выиграл, нос. Небольшая горбинка на переносице, слегка портившая его профиль, тем не менее еще больше подчеркивала его красоту.

Натан, так звали его близкие, был одним из самых юных знатных вельмож государства. Ему едва исполнилось четырнадцать лет. Могущественный граф Уэйкерсфилд, его отец, не мог присутствовать на церемонии бракосочетания, так как находился за пределами страны, выполняя важное королевское поручение. О происходящих же сегодня событиях граф вообще не имел ни малейшего представления. Барон знал наверняка, что тот придет в ярость, узнав об этом. Даже в самом спокойном состоянии граф был очень неприятным человеком, но если его выводили из равновесия, он становился мстительным и злобным. Было хорошо известно, что

10 по раздражительности и порочности он стоил

всех членов клана Сент-Джеймсов, вместе взятых. Лоуренс не без основания полагал, что именно поэтому семейство обращалось к нему для решения всех важнейших вопросов внутренней жизни.

И все же при всей своей неприязни к графу барон не мог не восхищаться Натаном. Он проводил с мальчиком много времени и каждый раз замечал, что, внимательно выслушивая суждения других, он всегда поступает по-своему. Это верно, что ему всего четырнадцать лет, но так же верно и то, что он уже стал самостоятельным мужчиной. Лоуренс уважал его и немного сочувствовал, потому что ни разу не видел улыбки на его лице. Это вызывало чувство сострадания.

Клан Сент-Джеймсов никогда не называл юного маркиза по имени. Они именовали его просто «мальчик», потому что ему еще предстояло заслужить право на имя. Они должны были сначала его испытать. Конечно, родственники ни минуты не сомневались в том, что мальчишка везде преуспеет. Они знали, что он рожден повелевать.

Судя по его росту, он должен был превратиться в настоящего великана, и семейство надеялось, что он со временем воспитает в себе и другую фамильную черту — невероятную жестокость. В конце концов, он был одним из них, и на его плечи должны были лечь определенные обязанности.

Пока маркиз подходил к королю Англии, он не отрываясь смотрел на него. Барон пристально наблюдал за юношей. Он помнил, что дядья посоветовали ему не преклонять колени перед королем до тех пор, пока ему не велят сделать это.

Натан пренебрег их наставлениями. Он опустился на одно колено, склонил голову и четким, твердым голосом произнес обет верности королю. И когда король спросил, является ли он для юноши его патроном, подобие улыбки появилось на молодом прекрасном лице.

— Да, милорд, — ответил маркиз. — Вы — мой король и отец.

Барон откровенно любовался этим юным аристократом. По улыбке короля он мог догадаться, что и тот был доволен. Но вот к родственникам Натана это не относилось. Они метали яростные взгляды, готовые каждую минуту перейти к открытой конфронтации. Уинчестеры почувствовали себя несколько увереннее. Они радостно пересмеивались.

Внезапно Натан проворно вскочил на ноги. Он повернул голову в сторону Уинчестеров и долго не отводил от них пристального взора. Ледяное выражение его лица, казалось, мгновенно остудило их дерзкую наглость. Маркиз продолжал смотреть на них до тех пор, пока эти люди не потупили взоры. Мужчины Сент-Джеймс не могли скрыть своего одобрения.

Но юноша не обратил никакого внимания на своих родственников. Он стоял прямо, уверенно расставив ноги, сжав руки за спиной, и смотрел перед собой. Лицо его выражало скуку.

Лоуренс встал так, чтобы Натан мог его видеть, и кивнул. Он хотел, чтобы юноша знал, что барон очень доволен его поведением.

Натан ответил Лоуренсу быстрым кивком. Барон спрятал улыбку. Своеволие мальчишки согрело ему сердце. Он поступил наперекор семье, пренебрег ужасающими последствиями, которые наверняка грядут, но поступил должным образом. Лоуренс почувствовал отцовскую гордость, и это было довольно странно, поскольку он никогда не был женат и не имел собственных детей.

Ему было любопытно, сумеет ли Натан сохранить маску равнодушия и скуки на протяжении всей этой длительной церемонии. Именно с этой мыслью он и направился за невестой.

Едва поднявшись по лестнице, он услышал ее всхлипывания. Время от времени они прерывались рассерженным мужским голосом. Барону пришлось

честер, отец невесты, распахнул ее. Лицо графа было красным от гнева.

— Уже давно пора, — прорычал граф.

— Король задержался, — ответил барон.

Граф раздраженно кивнул.

— Зайди, Лоуренс. Помоги, дружище, отвести ее вниз. Она чуточку упрямится.

В голосе графа прозвучало такое неподдельное изумление, что барон не смог сдержать улыбки:

— Я слышал, что упрямство характерно для невест столь юного возраста.

— А я никогда не подозревал об этом, — пробормотал граф. — Хотя, по правде сказать, я вообще первый раз остался с Сарой наедине. Я даже не уверен, знает ли она наверняка, кто я, — добавил он, немного помолчав. — Безусловно, я ей сказал об этом, но ты сейчас сам убедишься, способна ли она что-либо воспринимать. Я не мог даже представить, что с ней будет так трудно.

Лоуренс не мог скрыть своего возмущения, услышав откровения графа.

— Гарольд, — обратился он к графу по имени, — если мне не изменяет память, то, кроме Сары, у тебя есть две другие дочери, и обе они старше этой девочки. И я не понимаю, как можно быть таким...

Граф не дал ему закончить.

— До настоящего момента мне не приходилось бывать ни с одной из них, — проворчал он.

Лоуренс подумал о том, насколько цинично это признание. Он покачал головой и проследовал за графом в комнату. Здесь он и увидел невесту. Она сидела на краю подоконника и смотрела в окно.

Девочка тотчас прекратила всхлипывать, как только увидела вошедшего. Лоуренс подумал, что она была самой очаровательной невестой из тех, кого он когда-либо видел. Копна золотых волос обрамляла ее ангельское личико. На головке был надет венок из весенних цветов, а переносицу ее прелестного носика

украшала россыпь веснушек. Карие глаза ее были полны слез, которые градом струились по щекам.

На ней было длинное белое платье, подол и рукава которого были отделаны кружевом. Когда она поднялась, расшитый пояс, обвивавший ее талию, упал к ногам.

Ее отец, не сдержавшись, громко выругался.

Она повторила его слова.

— Сара, нам пора спускаться вниз, — проговорил отец противным слащавым голосом.

— Нет.

Отчаянный вопль графа наполнил комнату:

— Когда я доставлю вас домой, моя юная леди, вы очень пожалеете о том, что подвергли меня этой пытке! Клянусь Богом, я превращу тебя в прах, будь уверена, подожди немного, и ты в этом убедишься!

Так как у барона не было ни малейшего представления о том, что подразумевает граф под этой абсурдной угрозой, он решил, что и Сара вряд ли поняла своего отца.

Девочка взглянула на него с непокорным выражением лица, затем опять громко зевнула и села.

— Гарольд, если ты будешь продолжать орать на свою дочь, это вряд ли поможет, — сказал барон.

— Тогда она получит хорошую оплеуху, — заявил граф. Он занес руку для удара и сделал угрожающее движение в сторону дочери.

Лоуренс встал у него на пути.

— Ты не ударишь ее, — сказал барон звенящим от гнева голосом.

— Она — моя дочь! — выкрикнул граф. — И все, что бы я ни сделал, дабы склонить ее к послушанию, будет законным.

— Сейчас, Гарольд, ты гость в моем доме, — ответил барон. Тут он понял, что тоже кричит, и тотчас понизил голос: — Дай-ка я попробую.

Лоуренс повернулся к невесте. Сару, как он заметил, совершенно не взволновал гнев отца. Она опять

14 сладко зевнула.

Девочка явно нуждалась хотя бы в коротком отдыхе. Она нехотя позволила барону подвести себя к двери, но потом резко высвободилась из его рук и снова подбежала к подоконнику, чтобы прихватить старое покрывало, размеры которого по крайней мере в три раза превосходили ее собственные.

Потом она поспешила назад к барону, снова взяла его за руку, далеко обогнув при этом своего отца. Покрывало было накинуто на ее плечи и складками ниспадало сзади. Концы она надежно удерживала у своего лица.

Отец попытался отобрать у нее покрывало. Сара начала визжать, граф — громко браниться, а у барона тут же разболелась голова.

— Ради бога, Гарольд, оставь это ей.

— Не оставлю! — заорал граф. — На эту штуку все обратят внимание. Я не позволю ей это взять.

— Хорошо, оставь ей это, пока мы не подойдем к залу, — настаивал барон.

Наконец граф сдался. Он красноречиво взглянул на дочь, встал впереди и повел всю маленькую процессию в зал.

Лоуренс ощутил, что ему хотелось бы, чтобы Сара была его ребенком. Когда она взглянула на него снизу вверх и так доверчиво улыбнулась, у него возникло внезапное желание подхватить девчущку на руки и приласкать ее. Но как только они приблизились к залу, она внезапно вновь резко переменялась. Отец опять попытался отобрать у нее покрывало.

Натан, как только услышал доносящийся из коридора шум, обернулся. Его глаза расширились от изумления. Действительно, трудно было представить себе нечто подобное. До этого момента он не проявлял никакого интереса к собственной невесте и даже не задавал уместных в подобных случаях вопросов, так как был уверен, что по возвращении домой отец непременно найдет возможность расторгнуть этот брак. Именно по этой причине при виде девочки его изумление было столь неподдельным.